

Дикси Векс

Тринадцатая ночь

«Автор»
2026

Векс Д.

Тринадцатая ночь / Д. Векс — «Автор», 2026

За две недели до свадьбы принцесса Аврора открывает магическую шкатулку. Теперь её тело лежит в коме, а душа попала во враждебное Междумирье. У Авроры тринадцать дней, чтобы найти способ вернуться в своё тело, предотвратить войну и отомстить. Понять, кто настоящий враг, будет непросто.

© Векс Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Проклятый дар для принцессы 5
Глава 2 Правильные слова 7
Глава 3 Тени, кровь, волосы и надежда 12
Глава 4 Ночь в книжной лавке 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Дикси Векс
Тринадцатая ночь

Глава 1 Проклятый дар для принцессы

Ночь пахла мокрым камнем и дымом факелов - тот самый запах, который Аврора ненавидела с детства. Он всегда означал, что кто-то снова шепчется в коридорах, что решения принимаются без неё, а её место - стоять и кивать. Сегодня она не хотела кивать.

Дворец Готланда в эту ночь казался Авроре не домом, а огромной, слишком старой шкатулкой, где каждый коридор - петля, а каждая дверь - замок, ключ от которого ей не доверяют.

Каменные стены, выложенные плитами из серого сланца, будто впитывали свет факелов, не желая его отдавать: тени лежали густо, как пролитые чернила. В переходах между крыльями замка ветер гудел в узких бойницах, и этот гул был похож на шёпот - будто сам дворец знал больше, чем говорил.

Свадебные грузы прибывали в суматохе: обозы тянулись через двор, слуги спотыкались о ящики, кричали, ругались, и среди этого хаоса Аврора чувствовала себя не принцессой, а лишней деталью в собственном замке. Отец болел, и от этого все вокруг говорили тише и двигались быстрее - будто боялись, что тишина станет приговором.

Аврора не стала ждать церемониального вскрытия даров. Это было опрометчиво. Это было именно то, за что её вечно ругали: «Сначала спроси, потом действуй». Но она устала спрашивать.

- Я не товар, - прошептала она себе под нос, проходя мимо стражника, который даже не поднял головы. - Я не должна ждать, пока меня распакуют и выставят на витрину.

Эта мысль жгла её изнутри. Брак с Эдгаром был не союзом сердец - это была сделка, скреплённая печатями и обещаниями земель. Аврора знала: её тело, её имя, её будущее уже расписали в длинных свитках, которые она видела мельком - и которых ей не дали читать целиком. И вот теперь эти ящики, набитые подарками, казались ей витриной, где её уже выставили на продажу.

Она скользнула в складское крыло, где пахло смолой, пылью и старым железом. Здесь, вдали от парадных залов, дворец был честнее: доски скрипели, факелы чадили, а тени не притворялись красивыми. Ящики громоздились друг на друге, бирки свисали, как сухие листья.

И среди них - один, который притягивал взгляд, хотя не должен был. На нём не было ни печати, ни подписи, ни даже простой метки «для принцессы». Именно поэтому Аврора подошла к нему первой.

-Это не для тебя, - голос прозвучал из темноты, низкий и ворчливый. Кот вышел из тени, хвост трубой, уши прижаты. Он смотрел на ящик так, будто тот был живым и ядовитым.

- Ты всегда говоришь «не надо», - буркнула Аврора, проводя пальцем по холодному металлу крышки. - Но я должна знать. Должна видеть, что мне дарят не как невесте, а как человеку. Хотя бы один подарок без печати и без протокола.

- Должна - не значит «прямо сейчас».

Она не слушала. Она действовала. Пальцы скользнули по замку - он щёлкнул с пугающей лёгкостью, будто ждал этого прикосновения. Крышка приподнялась, и из ящика вырвался не запах, не свет, а холод - такой, какой бывает только в местах, где время забывает, как течь.

Внутри лежала шкатулка. Простая, почти скромная, но узор на крышке шевелился, если смотреть краем глаза. Металл казался темнее воздуха вокруг.

Аврора протянула руку - и кот прыгнул, вцепившись когтями в край ящика, дёргая крышку вниз.

-Стой! - рявкнул он.

Но она уже коснулась. На мгновение мир не исчез - он просто сдвинулся. Как будто кто-то тихо повернул зеркало, и отражение стало чуть-чуть не твоим. Аврора почувствовала, как что-то внутри неё - тёплое, привычное, живое - вздрогнуло и отделилось.

Она успела подумать: «Это глупо. Я опять поторопилась». А потом её душа вылетела из тела, как птица из клетки, которую открыли не для того, чтобы выпустить, а чтобы поймать.

Тело Авроры осело на пол, мягко, беззвучно, будто просто решило отдохнуть. Шкатулка тихо щёлкнула, закрываясь сама собой.И в этой тишине кот посмотрел прямо в глаза той, кто больше не сидела в теле, и сказал:

- Ну вот. Теперь мы знаем, что ты умеешь не только торопиться. Ты умеешь попадать в неприятности мирового масштаба.

Аврора хотела ответить - и не смогла. Её голос остался там, где теперь обитала её душа: в промежутке между мирами, где слышат только те, кто умеет слушать по-настоящему.

* * *

Милисента нашла сестру не сразу. Сначала она просто искала Аврору - потому что знала: старшая сестра не станет стоять в стороне и наблюдать, как тащат свадебные ящики. Милисента шла по коридорам, прислушиваясь к скрипу половиц и к тому, как меняется эхо шагов. В парадных залах шаги звенели, как монеты, а здесь, в служебных переходах, они глохли в камне.

Когда она свернула в складское крыло, воздух стал плотнее, будто напитался чужой тишиной. Факел на стене вдруг дрогнул и на секунду стал ярче - так бывает, когда в комнате появляется что-то, что тянет на себя свет.

Милисента не видела, как сестра осела на пол. Она не успела. Но она услышала - не голос, а шёпот, тонкий, как трещина в льду.

- Мили... - прозвучало в её голове, и она замерла.

- Кто здесь? - прошептала она, оглядываясь.

Шёпот повторился, чуть громче:

- Я здесь. Не говори никому. Просто... найди кота.

Милисента обернулась. Кот сидел у опрокинутого ящика и смотрел на неё так, будто знал всё заранее. Его глаза в полумраке казались почти человеческими - умными, усталыми и очень внимательными.

-Он здесь, - тихо сказал кот, кивнув на тело Авроры, лежащее у ящика.

- А она - там.

Милисента опустилась на колени рядом с сестрой, коснулась её щеки - кожа была тёплой, но неподвижной, как у спящей, которая забыла, как дышать.

- Где «там»? - прошептала Милисента, чувствуя, как страх сжимает горло, но не даёт заплакать. - Где она?

-Там, где ты можешь её слышать, - ответил кот. - И где никто другой не услышит.

В этот момент Аврора снова попыталась дотянуться до сестры - не голосом, а чувством, знакомым с детства: тем самым, когда знаешь, что родной человек рядом, даже если его не видно.

- Не бойся, - прозвучало внутри головы Милисенты. - Просто не дай им убрать меня отсюда. Не дай им решить всё без меня.

Милисента сжала пальцы в кулаки, посмотрела на кота - и кивнула.

- Мы не дадим, - сказала она вслух, будто обещая не только сестре, но и всему этому тёмному, несправедливому дворцу. - Мы не позволим им всё решить.

Глава 2 Правильные слова

Дворец Готланда, который и в лучшие дни жил по скрипучим правилам церемоний, теперь будто сбился с ритма. Шаги стали торопливыми, голоса - приглушёнными, а взгляды - косыми. В воздухе висел не дым факелов, а запах страха: воск, остывший в подсвечниках за полночь, прокисший мёд с кухонь, куда никто не заглядывал со вчерашнего дня, и тонкая горечь лекарских трав, которую тянуло из покоев Авроры сквозняками по всем парадным лестницам.

Аврора наблюдала за этим из мира теней - и злилась. Не на панику, не на суету, а на то, как быстро всё превращалось в спектакль.

Лекари склонялись над её телом, щупали пульс, подносили к губам зеркальце из полированного серебра. От их пальцев пахло маслом розмарина и мелом, которым они чертили метки на полу. Старший из них, седой магистр Арвен, опустил наконец руки и отступил на шаг.

- Она не умерла, - сухо повторил он, словно боялся собственных слов. - Сердце бьётся. Дыхание есть. Но... - он помялся, подбирая слово, и от этой паузы стало страшнее, чем от любого диагноза, - но это не сон и не обморок. Душа её не отвечает телу. Это... иное.

- Что «иное»? - канцлер Оллери сжал костяшки пальцев так, что побелели суставы. Его шитый золотом камзол сегодня был на нём помятым - он, кажется, не переодевался со вчерашнего дня.

- Я не знаю, господин канцлер. Ни в одном трактате нет описания подобного. Она жива по всем приметам - и мертва по всем, что важны. Если бы тело умерло, я бы сказал: умерла. Если бы спала, я бы сказал: спит. Здесь я не могу сказать ничего.

Канцлер повернулся к нему вплотную, понизил голос - но Аврора слышала каждое слово так же ясно, как слышала теперь всё: треск факелов, шорох подошв по камню, даже скрип червя, точившего старый дуб столешницы.

- Король болен. Ему нельзя знать, что наследница исчезла из жизни так же тихо, как свеча гаснет в сквозняке. Вы понимаете? Если он узнает - у него будет приступ. И тогда в королевстве не останется ни короля, ни наследницы. Одной Милисенты хватит с головой.

- Ей шестнадцать.

- Ей достаточно, - отрезал канцлер. - Об этом будут знать я, вы, стража у её дверей и покои. Всё. Никого другого.

И они решили скрывать. Не лгать прямо, но прятать правду за протоколами: «Принцесса отдыхает», «Требуется покой», «Доступ ограничен».

Милисента стояла в дверях - маленькая, упрямая, в синем платье с расстёгнутой верхней пуговицей, потому что горничная, её наряжавшая, была слишком напугана, чтобы спорить. От неё пахло мылом из фиалок и чуть-чуть - страхом. Она чувствовала, как на неё смотрят: не как на принцессу, а как на ребёнка, которому лучше уйти и не мешать.

- Ты иди, Мили, - тихо сказал ей канцлер, даже не поворачивая головы. - Пусть взрослые разберутся.

- Она моя сестра, - сказала Милисента.

- И потому именно тебе нужно быть в стороне. Если с ней что-то случится... если это повторится с кем-то ещё...

- Она говорила со мной, - выпалила Милисента. - Вчера ночью. Слышишь? Она шептала мне из-под потолка, как настоящая. «Я здесь, - говорила. - Не давай им убрать меня».

Магистр Арвен посмотрел на неё с той особой жалостью, от которой Милисентой хотелось завыть. Той жалостью, что оставляют для детей и безумцев.

- Ты не спала двое суток, принцесса. Это говорит в тебе, а не она.

Но она не ушла. Потому что слышала шёпот сестры.

В этот же день прибыл принц Эдгар со свитой.

Его парадная колонна втянулась через главные ворота в сумерках - сорок всадников, пять карет, гербы на попонах лошадей отливали серебром в свете факелов. Его встречали у ворот, кланялись, говорили много правильных слов, но ни разу не упомянули, где сейчас Аврора. Сначала это казалось мелочью - дворцовая вежливость, которая всегда оборачивается уклончивостью. Но Эдгар был не из тех, кто не замечает мелочей.

Он стоял в приёмной зале, где пахло старым воском и чужими духами, и слушал, как кастелян перечисляет удобства его покоев: «Окна во двор, тёплая вода по часам, камин разожжён...» И слушал при этом другое: как в коридорах за спиной слишком тихо. Как дворецкая, выносящая канделябры, ведёт плечом. Как его расселяют в дальнем крыле - как раз с той стороны, где нет ни покоев принцессы, ни королевской опочивальни.

Он видел, как дрожат руки у герольда. Как слишком старательно отводят глаза. И когда ему в третий раз предложили «сначала отдохнуть с дороги, ваше высочество, дела подождут до утра», он понял: что-то не так. И не «что-то мелкое».

Он улыбнулся, кивнул, согласился на «небольшой отдых» - и тут же ускользнул из гостевой комнаты, пока его свита разбирала сундуки.

Милисенту он нашёл почти случайно - она стояла у поворота коридора, сжавшись в нише между гобеленами, будто ждала кого-то, и при виде Эдгара вздрогнула.

- Принцесса Милисента, - мягко сказал он, подходя ближе, но не нарушая дистанцию. Голос у него был ровный, тёплый, как прогретый за день камень. - Простите, что напугал. Я в чужом дворце брожу, как кот, - прошу прощения, - он сдержанно усмехнулся, - у котов, полагаю, свои права на эти коридоры. Но признаюсь честно: я не гуляю. Я не люблю ждать, когда мне скажут правду. А мне её не говорят.

- Вам говорят, - возразила Милисента, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Мне говорят, что принцесса отдыхает. - Он замолчал, глядя на неё внимательно. - Я видел, как отдыхают. Отдыхающие не запирают двери на два замка и не ставят у них стражу, которая делает вид, что дежурит по расписанию не по одному. Мне говорят, что свадьба состоится, как условлено. Я слышал, как это говорят - и вижу, что никто из говоривших не заглядывал мне в глаза, когда произносил это. Принцесса Милисента... - он чуть наклонился, и в свете факела его лицо стало серьёзным и почти мальчишеским, без придворной позолоты, - я приехал сюда не за приданым и не за гербом. Я приехал ради мира между нашими странами. Но мир начинается не с печатей. Он начинается с того, что тебе не лгут. Скажите мне правду - и я буду знать, с кем имею дело.

Милисента сжала кулаки. Ей хотелось закричать: «Они не верят мне! Они говорят, что я ребёнок!» Но вместо этого она прошептала:

- Вы хотите увидеть Аврору?

Эдгар замер. В его взгляде мелькнуло что-то - не удивление, а мгновенная, расчётливая тишина, как у человека, который перекладывает карты в руке. Потом карта легла на место.

- Да, - ответил он просто. - Я хочу её видеть.

Милисента оглянулась по сторонам, убедилась, что никто не смотрит, и кивнула.

- Тогда идите за мной. И молчите.

Она повела его тайными переходами - теми, что знали только дети и слуги: узкие лестницы, скрытые двери, коридоры, где пыль лежала слоями, как снежные наметы, а факелы горели тускло и чадили, и от их копоти на камнях остались тёмные слёзы. Пахло мышами, старым деревом и подвалами. Эдгар шёл следом, не задавая вопросов, и это само по себе было странно: любой другой принц уже требовал бы объяснений, трижды останавливался и дважды пытался развернуться. Он только один раз сказал вполголоса:

- Вы хорошо знаете эти ходы.

- Дворец большой, - ответила Милисента. - В нём легко потеряться. Взрослым не до нас, и мы выучили его сами.

- Взрослым не до вас, - повторил он тихо, и в голосе его мелькнуло что-то похожее на понимание. - Это, пожалуй, самая честная фраза, которую я слышал за последние сутки.

Когда они вошли в покои Авроры, он остановился на пороге.

Комната была тёплой - в камине горело, кто-то заботливо подкладывал поленья. Пахло чистым бельём, сухой лавандой в полотняных мешочках у изголовья и чем-то ещё - тонким, металлическим, как искра о точильный камень. Тело Авроры лежало на кровати, укрытое тяжёлым покрывалом цвета вечернего моря. Лицо было спокойным, почти живым: тень ресниц на бледных щеках, мягкая прядь у виска, тот самый длинный тонкий шрам - бледная нить над бровью. Но в этой неподвижности было что-то пугающее - как в статуе, которая слишком похожа на человека.

Эдгар подошёл ближе, осторожно, будто боялся спугнуть тишину. Он наклонился, прислушался, посмотрел на её руки - на тонкие пальцы, на серебряное кольцо с гербом, которое она никогда не снимала. Пальцы были тёплыми. Он держал их секунду дольше, чем положено, и опустил.

- Это не сон, - тихо сказал он. - И не обморок. И не болезнь, которую я знаю. - Он выпрямился и посмотрел на Милисенту. - Сколько об этом знают?

- Канцлер. Лекари. Стража у дверей. Кот. - Милисента запнулась. - И я.

- Кот? - он приподнял бровь, но переспрашивать не стал: за последние полчаса он усвоил, что в этом дворце необычнее того, что положено знать гостю. - Ладно. А король?

- Не знает. Канцлер боится приступа. Отец и так... - она смотрела в пол. - Он слабеет. Быстрее, чем говорят лекари.

Эдгар молчал долго. Аврора - а она стояла теперь рядом, невидимая, и смотрела на его лицо в упор - видела, как по этому лицу проходят мысли, будто тени облаков по воде. Лицо было красивым и правильным, но не застывшим - оно работало.

- Понимаете, принцесса, - начал он наконец, и голос его стал другим: не придворным, а настоящим, чуть усталым, - мне выгодно было бы сделать вид, что я ничего не знаю. Объявить невесту больной, отложить свадьбу, уехать и выждать. Или потребовать расторжения договора - в моём королевстве нашлись бы те, кто тут же поднес бы мне список более... доступных невест. - Он усмехнулся без веселья. - Я знаю наизусть, что мне советовали.

- Тогда почему вы молчите? - спросила Милисента. - Почему вы не уезжаете?

- Потому что я приехал не за невестой, а за миром. - Он медленно прошёлся по комнате, задев рукой спинку кресла, в котором Аврора любила читать по утрам. - Наша война длилась тридцать лет. Тридцать лет, принцесса. На границе у меня растёт поколение, которое никогда не слышало тишины. Мой отец умер, не дождавшись этого договора. Свадьба - не формальность и не сделка. Это единственный клочок бумаги, который оба двора подпишут, потому что он пахнет свадьбой, а не капитуляцией. И если завтра станет известно, что невеста королевства Готланд лежит в странном оцепенении, о котором никто не может сказать ничего внятного... - он покачал головой, - то не свадьбы не будет. Будет паника, будет курс на войну, и моя свита, и ваши аристократы с радостью помогут ей разгореться. Пока невеста «отдыхает» - мир жив. Пока она «отдыхает» - у нас есть время.

- Время? - эхом повторила Милисента.

- Время найти ей лекаря. Настоящего, если здешние бессильны. Время разобраться, что это. - Он посмотрел на кровать, и лицо его потемнело. - И время понять, кто это сделал. Потому что, принцесса, - он повернулся к ней, - в чужую шкатулку не наливают смерть просто так. Ваша сестра не упала в обморок от счастья. Кому-то было нужно, чтобы её не стало - или чтобы она стала удобной. И пока я не узнаю, кто, я не поеду никуда. Молчать о её состоянии я буду, потому что молчание - это броня для неё и для мира между нашими домами. Лгать о

том, что мне дорога невеста, - я не буду. Мне она не дорога: я видел её дважды. Но дорог тот мир, ради которого я здесь. И дорога эта - по иронии - проходит через неё. Так что считайте меня вашим союзником. С последней новостью о здоровье принцессы моя свита познакомится в день свадьбы - если к тому дню она состоится. А до того - никто, кроме нас с вами, не будет знать даже половины.

Милисента смотрела на него с надеждой и страхом одновременно.

- А если она не очнётся? До свадьбы?

- Тогда, - он сказал это ровно, без дрожи и без улыбки, - у нас будет другая беда, о которой подумаем, когда эта будет позади. Я не умею решать две беды сразу. А вы?

- Не умею, - честно призналась Милисента.

- Значит, займёмся одной.

Он говорил спокойно, уверенно - и это успокаивало. Но Аврора, наблюдавшая за ними из тени, чувствовала, как внутри всё сжимается. Ей нравился его голос, нравилась эта уверенность, которая не была бравадой. Ей нравилось - и она злилась на себя за то, что ей нравилось, - как он назвал её кресло «в котором принцесса любит читать», хотя узнать это мог только от слуг, да и то не всех. Но она знала: в политике «помочь» часто значит «использовать».

Кот сидел на подоконнике - чёрный с сединой на морде, будто припорошенный пеплом, - хвост кольцом, глаза прищурены. Он смотрел на Эдгара так, будто видел не принца, а список его будущих ошибок.

- Не жди, что он спасёт тебя, - прошипел он, обращаясь к тени Авроры. - Красивые слова у него считаны по слогам. «Мир», «договор», «броня» - он говорит, как сапожник, которому доверили чинить корону. Такие слова не рассказывают. Ими торгуют.

Аврора хотела огрызнуться, но у неё не было голоса. Она могла только шептать - и её шёпот слышала только Милисента.

- Он сказал правду про тридцать лет, - прошептала она сестре в голову. - Я почувствовала. Как чувствую ложь. Он не лгал.

- Значит, он не лгал о том, что сказал, - брюзгливо отозвался кот. - Это худшее из его достоинств. Лжецы хотя бы следят, чтобы не увязнуть. А правдивые расчётливые - самые опасные: они строят свой план из камня, и им не нужно лгать, чтобы он рушился в нужную сторону. Не жди, принцесса. Ждать - это то, что умеет тело в коме. А начинать действовать должна ты.

- И с чего же? - пропела она в пустоту, и голос её прозвучал как дуновение.

- С книг, - сказал кот. - С тех книг, которые лежат там, где их не показывают гостям. С тайной секции королевской библиотеки. Там есть книги о междумирье. О шкатулках. О тех, кто умеет ходить между слоями. И о тех, кто умеет вышибать души, - он прищурил глаз на Эдгара. - И, что важнее, о том, кому это выгодно.

Аврора повернулась к сестре. Милисента стояла у окна, глядя на двор, где в темноте всаживали лошадей чужой свиты, и плечи её дрожали - не от холода.

- Мили, - позвала она. - Мили, слушай.

- Я слушаю, - прошептала та, не оборачиваясь. Она уже научилась не вздрагивать.

- Найди тайную секцию библиотеки. Там есть книги о междумирье. О шкатулках, которые не дарят, а подбрасывают. О тех, кто умеет ходить между слоями.

Милисента вздрогнула. Она не знала, откуда пришла эта мысль - но она была слишком чёткой, чтобы быть просто догадкой.

- Нам нужно в библиотеку, - сказала она Эдгару, поднимая голову. - Есть одна секция... о ней почти никто не помнит.

Эдгар посмотрел на неё внимательно, будто оценивая, насколько она готова к тому, что найдёт.

- Хорошо, - кивнул он. - Веди. Я помогу.

Кот фыркнул.

- «Поможет», - пробурчал он, умываясь. - Посмотрим, как долго продлится эта помощь.

Милисента шла впереди, Эдгар - следом, а Аврора тянулась за ними, как тень, которая пытается стать видимой. В её сознании вспыхивали обрывки воспоминаний: запах ладана, скрип старых страниц, голос матери, шепчущий: «Если что-то случится, ищи в книгах, которые не хотят, чтобы их читали».

Тайная секция библиотеки пряталась за фальшивой стеной в восточном крыле - туда редко кто заходил, потому что книги там были неудобными: они рассказывали не о победах королей, а о трещинах в мире.

Когда Милисента нажала на нужный камень, стена тихо отъехала в сторону, открывая узкий проход. Внутри пахло пергаментом, пылью веков и сушёной кожей переплётов - так пахнет старость, если старость можно понюхать. Полки уходили вверх, теряясь в темноте; где-то под потолком липла паутина, и в свете факела она серебрилась, как тонкий волос.

- Здесь, - выдохнула Милисента, оглядываясь на Эдгара. - Здесь может быть ответ.

Эдгар вошёл первым, поднял факел, осветил полки. На корешках книг были странные символы - не готландские, не общеизвестные: угловатые знаки, похожие на следы когтей на снегу.

- Кто знал об этом месте? - спросил он спокойно.

Милисента пожала плечами.

- Отец. Аврора. И... кажется, мама.

Аврора вцепилась в воздух, которого не было. Ей хотелось кричать: «Читай! Смотри! Не теряй времени!» Но она могла только шепнуть:

- На третьей полке. Книга в тёмносинем переплёте. Там про шкатулки, которые не дарят, а подбрасывают.

Милисента подошла к полке, провела пальцами по корешкам - корешки шуршали под подушечками, как крылья мотыльков, - нашла нужную. Книга была тяжёлой, словно в её страницах хранилось не знание, а груз.

- Вот, - прошептала она, открывая первую страницу. - Здесь что-то есть...

Эдгар склонился над книгой, его лицо стало серьёзным. Он читал быстро, но внимательно, и Аврора впервые заметила у него за ухом тонкий шрам - маленький, ровный, как след от пореза.

- Это о междумирных артефактах, - пробормотал он. - О тех, что могут отделять душу от тела. И о том, как вернуть её обратно.

Милисента подняла глаза, полные надежды.

- Значит, мы можем её спасти?

Эдгар помолчал. Потом медленно кивнул.

- Можем. Но это будет непросто. В книге есть условия. И есть цена.

Кот, вошедший последним, уселся на пол и посмотрел на всех троих.

- Ну что ж, - проворчал он. - Хоть кто-то наконец начал делать дело, а не просто бегать по коридорам. Но помни, Аврора: не верь ни единому его слову, пока не увидишь, что он делает.

Аврора не могла ответить. Но она кивнула - там, в своём невидимом мире.

Она начинала действовать.

Глава 3 Тени, кровь, волосы и надежда

В тайной секции библиотеки время будто застыло. Пыль висела в воздухе неподвижными нитями, а свет факела не разгонял тьму, а лишь выхватывал из неё отдельные детали: шершавые корешки книг, паутину, похожую на кружево, и странный механизм у дальней стены - не замок, не дверь, а что-то среднее. Он был вырезан прямо в камне: круг с бороздками, в центре - чаша из тёмного металла, по краю - руны, которые шевелились, если смотреть на них слишком долго.

- Это не просто хранилище, - тихо сказал Эдгар, подходя ближе и не касаясь механизма. - Это страж. В моём королевстве такие встречаются разве что в склепах основателей - и честно говоря, они там никого не пускают уже триста лет. Здесь, судя по всему, кто-то предпочёл не запирать дверь, а назначить ей сторожа.

- И что нам делать? - шёпотом спросила Милисента. - Стучать? Извиняться?- Обычно такие вещи просят плату.

- Эдгар провёл пальцем по одной из борозд, не дотрагиваясь до рун. - Не золото. Не слова. Что-то, что принадлежит тебе по-настоящему.

- По-настоящему? - Милисента наморщила нос. - Это как?

- Так, - ответил Эдгар с сухой улыбкой, - что придётся выбирать между тем, что у тебя есть, и тем, что тебе дорого.

Он не успел договорить - чаша в центре тихо звякнула, будто кто-то ударил по ней изнутри, и из рун вырвался тусклый свет, складываясь в символы, которые тут же таяли.

- Плата, - прошептал голос, которого не было слышно ушами, а чувствовался кожей. - Кровь и память.

Милисента вздрогнула и отступила на полшага.

- Кровь? Прекрасно. Мама всегда говорила: «Не трогай ничего, что просит себя потрогать». Заметьте, она не говорила, что я должна её слушать. Но в данном случае, пожалуй, стоило.

- Не всю, - спокойно сказал Эдгар. - Но достаточно, чтобы он понял: ты не шутишь.

Он достал из ножен тонкий кинжал - не парадный, а походный, с рукоятью из тёмного дерева. Лезвие блеснуло в свете факела, как лёд.

- Стойте. Вы серьёзно? - Милисента смотрела на кинжал так, будто тот умел кусаться. - Вы только что приехали ко мне в гости. По правилам гостеприимства кровь сдавать положено не гостям.

- Правила гостеприимства, - Эдгар вздохнул, - писали люди, у которых никто не умирал между мирами. Я начну. А вы подумайте, чем готовы расплатиться, - но, предупреждаю, не торопитесь. Память - это не то, что носят в кармане.

Он провёл лезвием по подушечке большого пальца - ровно настолько, чтобы выступила капля. Она упала в чашу - и металл тихо загудел, как струна.

- Ещё, - шепнул голос.Эдгар кивнул, выдавил ещё одну каплю, и даже не поморщился - только вытер лезвие о край рукава с той будничной аккуратностью, с которой убирают со стола крошки.

- Вы не боитесь, - заметила Милисента.

- Боюсь. - Он выдавил последнюю каплю. - Просто я давно научился не показывать этого в неподходящих помещениях. Это, собственно, и есть вся придворная наука.

Теперь чаша повернулась, и в ней появилась выемка - маленькая, аккуратная, будто сделанная специально для пряди волос.

Милисента посмотрела на свои волосы - тёмные, слегка вьющиеся, собранные в простую косу. Она знала, что волосы - это память. Что в них хранится запах дома, запах лаванды, кото-

рой посыпали подушки, и запах дыма от камина в детской. Но она знала и другое: иногда, чтобы спасти кого-то, нужно отдать часть себя.

Она расплела косу, отделила тонкую прядь и отрезала её тем же кинжалом - быстро, чтобы не передумать. Прядь легла в чашу рядом с каплями крови. Металл снова загудел, на этот раз глубже, и руны вспыхнули, складываясь в слово, которого Милисента не знала.

- Ой, - сказала она слабым голосом и, поняв, что все смотрят на неё, добавила: - Это не к слову. Это про то, что я только что отрезала волосы, которые три года отращивала.

- Они отрастут, - сказал Эдгар.

- Знаю. Просто это была единственная часть меня, которая вела себя пристойно на балах.

Эдгар рассмеялся - коротко, искренне, без придворной границы. И Аврора, стоявшая рядом невидимкой, впервые услышала его смех - и почувствовала что-то нелогичное и тёплое, похожее на то, что чувствует человек, который хочет, чтобы этот смех принадлежал ей. А потом заметила, что Милисента тоже улыбается, и внутри неприятно кольнуло.

«Хватит, - одёрнула она себя. - Ей шестнадцать. А тебе двадцать один. И вообще у тебя сейчас другие проблемы. Впрочем, судя по их лицам, у неё уже нет».

Механизм щёлкнул. Стена справа от него медленно отъехала, открывая нишу, в которой стояла та самая тёмносиняя книга.

- Красиво, - признал Эдгар, разглядывая нишу. - В моём дворце за фальшивой стеной хранят долговые расписки и письма отца. У вас - знания. Не могу решить, чей вариант жалостливее.

Милисента взяла книгу осторожно, будто боялась, что она рассыплется от прикосновения. Переплёт был холодным, а на обложке - узор, похожий на трещины в льду. Когда она открыла первую страницу, буквы поплыли, но тут же выстроились в строки, словно книга узнавала того, кто её держит.

- Она тёплая, - удивилась Милисента. - Целый век в пыли, а тёплая.

- Книги, которые хотят, чтобы их читали, всегда тёплые, - прогудел кот, вынырнув из-за полок с видом ревизора, прибывшего на проверку. - Остальные греются только от пламени и не советую проверять, при каких обстоятельствах. Но я вижу, вы уже обменялись кровью и причёской, так что не буду мешать романтике. Продолжайте, я только посмотрю.

Эдгар склонился над страницей, читая быстро и внимательно. Его брови сошлись, а пальцы чуть дрогнули - единственный признак того, что он удивлён.

- Здесь описаны ритуалы создания междумирных шкатулок, - пробормотал он. - Как их делают, из чего, при какой луне, с какими словами. Каждая глава - как бытописание нищих ремесленников: минерал, оправа, шёпот в металле... Ужасающе практично. Но нет ничего о том, как вернуть душу. Только отсылка.

- Какая отсылка? - Милисента заглянула через его плечо.

- «Кладезь священных знаний у дворцовых ворот». - Он прочёл вслух, медленно, откладывая каждое слово. - И ниже приписка: «Там, где слово живёт дольше камня».

Милисента замерла. В её голове щёлкнуло.

- Книжная лавка, - выдохнула она. - У главных ворот. Старик Эдан держит там книги, которые никто не покупает, потому что они пахнут пылью и чужими бедами. Он говорил мне, когда я была маленькой: «Тысячу лет короли писали на камне, а читают только то, что люди сумели запомнить и пересказать». Я тогда думала, он чудак.

- Он не чудак, - сказал Эдгар тихо. - Он прав. Камень стоит, пока стоит стена. Слово живёт, пока жив кто-то, кто его помнит. - Он бросил взгляд на полки, на все эти чужие алфавиты, и добавил почти беззвучно: - Поэтому я и держусь за людей, а не за стены.

Милисента посмотрела на него иначе - с той жадной внимательностью, с какой смотрят на человека, который внезапно сказал что-то настоящее. Потом спохватилась и спросила:

- Вы сами никогда не были там? В лавке?

- В вашей? Нет. У нас лавки другие: там торгуют деньгами и линяют спесью. Но раз здесь есть лавка, где торгуют «кладезем священных знаний», я готов испытать захватывающее чувство предвкушения. - Он уже убирал книгу за пазуху - осторожно, будто переносил больного. - Значит, мы пойдём туда.

- Сейчас? - Милисента оглянулась на тёмные полки, будто ожидая, что кто-то выскочит из тени и запретит. - Ночью? Из дворца?

- Днём нас остановят на воротах, - спокойно сказал Эдгар. - Спросят, куда и зачем. И я, сидя в вашем дворце с моей свитой, на любой вопрос о принцессе должен отвечать по протоколу. Протокол - это изящный способ говорить не о том, о чём спрашивают. Ночью стража устаёт, а тени становятся длиннее. Мы сможем пройти.

- Но как? - Милисента перекрутила на пальце короткий остаток косы. - Вы вообще видели хоть одну узкую дверь изнутри? Мне иногда кажется, что вас всю жизнь носили в карете и без телеграфа вы, наверное, и на бал не могли бы выйти.

- Видел. - Эдгар не обиделся - наоборот, наклонил голову, признавая удар. - Довольно узкие двери, признаюсь. Одна, помню, была особенно узкая и особенно не советовала мне через неё проходить. Но с тех пор я выучил пару трюков.

- Есть другой путь, - раздался голос из темноты.

Кот вышел из-за полок - на этот раз окончательно, с явным намерением быть замеченным, хвост трубой, глаза прищурены.- Под дворцом - старые туннели. Их рыли во времена первой осады. Они выходят к городской стене, недалеко от ворот. Если знать, где свернуть, можно выйти прямо к лавке.

- Откуда ты знаешь? - спросила Милисента.- Я живу дольше, чем ты думаешь, - фыркнул кот. - И видел, как люди бегают от беды. Иногда им даже удаётся её обогнать. Правда, чаще всего они умудряются обогнать её только до лавки, где её ловят за шиворотом.

Эдгар скрестил руки на груди и посмотрел на кота с плохо скрытым весельем.

- Простите, а вы всегда разговариваете? Или только в дни, когда во дворце драма?

- Я разговариваю, когда есть кто-то, кого стоит отговорить, - кот оглядел его с головы до ног. - В простые дни я занимаюсь мышами и сном. Кстати, принц: вы произносите «мы с вами» так легко, что почти веришь. Я нахожу это восхитительным и настораживающим одновременно.

- У вас в дворце всё так? - повернулся Эдгар к Милисенте, кивая на кота.

- Отец однажды назначил его смотреть за знаками. Кажется, после этого никто не решался сказать, что он только кот.

- Мудрый король, - сухо сказал Эдгар. - В том, что он не открывал рта.

Аврора всё это время стояла рядом - невидимая, но остро чувствующая каждый шорох, каждый запах. Для неё библиотека была не просто комнатой: она видела, как сквозь стены проступают другие линии, другие коридоры - те, что вели не в город, а в междумирье. И сейчас, пока Милисента и Эдгар спорили о деталях побега, Аврора заметила то, чего не видели живые: в углу, за полками, где тени были гуще обычного, мерцала тонкая линия - как трещина на стекле.

Она подошла ближе, протянула руку - и пальцы прошли сквозь воздух, но встретили сопротивление, похожее на шёлк.На каменной стене рядом с трещиной была нацарапана надпись - не рунами, а обычным почерком, знакомым до боли. Аврора узнала его мгновенно.

«Тот, кто ищет путь между мирами, помни: магия, рождённая здесь, может быть разрушена оттуда. Но призрак должен увидеть своё отражение в озере Святых Слёз. Иначе он останется тенью навсегда».

Подпись: *«Агнисия»*

Аврора прижала пальцы к стене, будто хотела почувствовать тепло матери, которое могло остаться в буквах.

-Мама, - прошептала она. - Ты знала. Ты знала, что это случится.

Но ответа не было. Только тишина и запах пыли, смешанный с чем-то ещё - тонким, горьким, как слёзы, высохшие на камне.

Тем временем Милисента и Эдгар уже обсуждали детали побега.

- Мы возьмём плащи слуг, - говорил Эдгар, меряя шагами угол секции, - те, что висят у кухни. Их никто не считает. И повязки на лица - не чтобы прятать, а чтобы казаться усталыми. Уставших редко останавливают, а если остановят - они и так сердиты, а это отличный алиби.

- Звучит так, будто вы этим уже занимались, - заметила Милисента.

- Занимался. - Он не стал отшучиваться. - Мой старший брат был исключительно изобретателен в побегах, а я неизбежно оказывался тем, кто его сопровождает, потому что кто-то должен был помнить дорогу обратно. Он великолепно придумывал, я подвозил. Потом его не стало, и оказалось, что я научился думать, как он, - просто в менее интересных условиях. Так что поверьте: я знаю, как проходит ночная вылазка, и не из книг.

- Извините, - тихо сказала Милисента. - Я не хотела задеть.

- Ничего. - Эдгар посмотрел на неё и, впервые за вечер, улыбнулся не учтиво, а просто. - Задеть меня труднее, чем кажется. Надо целиться в то, что ещё живо, а там выбор невелик. Позвольте лучший совет: спрашивайте у людей прямо. Вы единственный человек в этом дворце, который сегодня сделал это. Все остальные ходили вокруг да около, как будто правда была облитым мёдом, к которому страшно прикоснуться.

- Мне просто нечего было терять, - отозвалась Милисента. - Канцлер говорил со мной как с девочкой. Лекари - как с девочкой. Стража у покоев сестры - как с девочкой. Когда тебе всё время говорят «ты ещё ребёнок», не остаётся ничего кроме мысли: если я ребёнок, значит, могу позволить себе глупости.

- Могу заверить, - сказал Эдгар, и голос его потеплел, - что глупость - это то, что делают без расчёта. А вы только что разработали план ночной вылазки с переодеванием в слуг. Это уже не глупость, а маленький государственный заговор. Отличитесь.

- Вся моя жизнь - маленькие государственные заговоры, - вздохнула Милисента. - Просто я пока не знала, что это так называется.- А если нас поймают? - вернулась она к прежнему вопросу.

- Тогда скажем, что я хотел показать вам город. Что вы просили, а я не смог отказать. Это звучит правдоподобно.

- Звучит как ложь, - покосилась Милисента.

- Иногда правдоподобная ложь - это броня. - Он посмотрел на неё прямо, и в его взгляде больше не было учтивости. - Я не обещаю, что будет легко. И не обещаю, что мы справимся. Я обещаю, что не оставлю вас одну, - и это последнее обещание, которое я в состоянии держать точно.

Милисента кивнула, хотя внутри всё дрожало.- Хорошо. Тогда идём.

Кот посмотрел на них обоих, потом на Аврору - будто знал, что она здесь, и от этого взгляда у той по телу прошла тонкая дрожь.

- Она тоже идёт, - проворчал он. - Не телом, но тенью. И ей лучше держаться поближе. В междумирье не любят гостей.

- Он говорит так, как будто знает это не понаслышке, - прошептала Милисента.

- Он и не знает это понаслышке, - сказала вслух Аврора, не заметив, что проговорила. - Он вообще редко что-то говорит понаслышке. Проблема в том, что он никогда ничего не объясняет добровольно.

- У тебя голос дрожит, - заметил кот, обращаясь к ней как к живой и не заботясь, что её слышат только двое - а Эдгар не слышит вовсе. - И не только от страха. Признаю, принц неплох. Речь ставит, как у оратора, а глаза двигаются, как у наблюдателя. Опасное сочетание. Но в одной комнате с тобой он всё-таки опаснее для тебя, чем для меня. Так что совет: не жди его спасения. Спасение - это то, что приходит к тем, кто уже лежит. А ты ещё не лежишь, пока держишься за шёпот. Так что начни действовать сама.

- И с чего же? - пропела Аврора в пустоту.

- С книг, - сказал кот. - С тех книг, которые лежат там, где их не показывают гостям. С тайной секции королевской библиотеки. Там есть книги о междумирье. О шкатулках. О тех, кто умеет ходить между слоями. И о тех, кто умеет вышибать души. И, что важнее, о том, кому это выгодно.

Аврора повернулась к сестре. Милисента стояла у окна, глядя на двор, где в темноте всаживали лошадей чужой свиты, и плечи её дрожали - не от холода.

- Мили, - позвала она. - Мили, слушай.

- Я слушаю, - прошептала та, не оборачиваясь. Она уже научилась не вздрагивать.- Найди тайную секцию библиотеки. Там есть книги о междумирье. О шкатулках, которые не дарят, а подбрасывают. О тех, кто умеет ходить между слоями.

- Нам нужно в библиотеку, - сказала Милисента Эдгару, поднимая голову. - Есть одна секция... о ней почти никто не помнит.

Эдгар посмотрел на неё внимательно, будто оценивая, насколько она готова к тому, что найдёт.

- Хорошо, - кивнул он. - Веди. Я помогу.

Кот фыркнул.

- «Поможет», - пробурчал он, умываясь. - Посмотрим, как долго продлится эта помощь. В нашей истории уже есть один, кто обещал «помогать» и не ушёл до свадьбы. Правда, я пока не знаю, кто из них двоих будет дольше держаться.

Милисента шла впереди, Эдгар - следом, а Аврора тянулась за ними, как тень, которая пытается стать видимой. В её сознании вспыхивали обрывки воспоминаний: запах ладана, скрип старых страниц, голос матери, шепчущий: «Если что-то случится, ищи в книгах, которые не хотят, чтобы их читали».Тайная секция библиотеки пряталась за фальшивой стеной в восточном крыле - туда редко кто заходил, потому что книги там были неудобными: они рассказывали не о победах королей, а о трещинах в мире.

Когда Милисента нажала на нужный камень, стена тихо отъехала в сторону, открывая узкий проход. Внутри пахло пергаментом, пылью веков и сушёной кожей переплётов - так пахнет старость, если старость можно понюхать. Полки уходили вверх, теряясь в темноте; где-то под потолком висела паутина, и в свете факела она серебрилась, как тонкий волос.

- Здесь, - выдохнула Милисента, оглядываясь на Эдгара. - Здесь может быть ответ.

Эдгар вошёл первым, поднял факел, осветил полки. На корешках книг были странные символы - не готландские, не общеизвестные: угловатые знаки, похожие на следы когтей на снегу.

- Кто знал об этом месте? - спросил он спокойно.

Милисента пожала плечами.

- Отец. Аврора. И... кажется, мама.

Аврора вцепилась в воздух, которого не было. Ей хотелось кричать: «Читай! Смотри! Не теряй времени!» Но она могла только шепнуть:

- На третьей полке. Книга в тёмносинем переплёте. Там про шкатулки, которые не дарят, а подбрасывают.

Милисента подошла к полке, провела пальцами по корешкам - корешки шуршали под подушечками, как крылья мотыльков, - нашла нужную. Книга была тяжёлой, словно в её страницах хранилось не знание, а груз.

- Вот, - прошептала она, открывая первую страницу. - Здесь что-то есть...

Эдгар склонился над книгой, его лицо стало серьёзным. Он читал быстро, но внимательно, и Аврора впервые заметила у него за ухом тонкий шрам - маленький, ровный, как след от пореза.

- Это о междумирных артефактах, - пробормотал он. - О тех, что могут отделять душу от тела. И о том, как вернуть её обратно.

Милисента подняла глаза, полные надежды.- Значит, мы можем её спасти?

Эдгар помолчал. Потом медленно кивнул.- Можем. Но это будет непросто. В книге есть условия. И есть цена.

Кот, вошедший последним, уселся на пол и посмотрел на всех троих.

- Ну что ж, - проворчал он. - Хоть кто-то наконец начал делать дело, а не просто бегать по коридорам. Но помни, Аврора: не верь ни единому его слову, пока не увидишь, что он делает.Аврора не могла ответить. Но она кивнула - там, в своём невидимом мире.Она начинала действовать.

Глава 4 Ночь в книжной лавке

Ночь над дворцом висела низко, будто собралась упасть. Луна пряталась за рваными клочьями облака, и от этого каменные стены казались мокрыми - хотя дождя не было уже третью неделю. Пахло нагретым за день камнем, конским потом с конюшен и гарью потушенных факелов: стража за вечер трижды меняла караулы, и факелы гасли не по расписанию, а по команде, резкой и нервной.

Дворец был на нервах. После того как в складском крыле нашли лежащую принцессу, во дворце объявили «осторожность»: досмотр грузов, учёт слуг, двойные караулы. Никто не сказал вслух, от чего эта осторожность, - и потому страх стал ещё гуще. Стражники смотрели на каждую тень как на врага, а на каждую шевельнувшуюся штору - как на заговор.

Именно этим вечером Милисента нацепила поверх ночного платья камзол конюха - чуть великоватый в плечах, с запахом сена и чужого пота, - собрала волосы под шапку и посмотрела на себя в тусклое зеркало у черновой лестницы.

- Похожа на мальчишку-конюха, - сказала она.

- Похожа на мальчишку-конюха, который украл этот камзол сегодня ночью, - поправил кот с нижней ступени. - Но утешение в том, что стража ожидает увидеть во дворце убийц, а не мелких воров. Понижай ожидания - и все будут довольны.

Эдгар уже ждал у потайной двери - в сером дорожном плаще, поверх которого было надето что-то бесформенное, похожее на одежду слуги из свиты. Он держал в руках фонарь с наглухо закрытой ставенкой, чтобы не выдала ни одна щёлка света.

- Вы рано, - заметил он, когда Милисента спустилась.- Мы договаривались после двенадцатого удара колокола.

- Договорились после двенадцатого. Пришёл - после одиннадцатого. Считайте это недостатком воспитания или достоинством осторожности, выбирайте сами.

Милисента фыркнула - и засмеялась, коротко, зажав рот ладонью, потому что смех в такую ночь казался неуместным. И всё же легче стало сразу.

- Кстати, - добавил Эдгар, поднимая фонарь, - если нас поймают, помните легенду: я показываю вам город.

- Ночью. В мужском платье. Через тайные ходы.

- Вы удивительно быстро теряете веру в правдоподобные объяснения, принцесса. Это похвально и очень удобно для меня: честных собеседников у меня во дворце теперь двое - вы и кот. Правда, кот из этих двоих единственный, кто в меня не верит.

- Я в вас верю в меру, - отозвался кот из тени. - Как верят в сыр в мышеловке: выглядит привлекательно, но я знаю, где крепление.

Они спускались по черновым лестницам, где пахло свечным воском и сырой известью, где ступени были вытерты до белизны тысячами ног. Потом - через галерею для слуг, низкую, гулкую, с потёками копоти на своде. Милисента шла первой и показывала: здесь - налево, здесь - вниз, здесь не стучать в стену, потому что за стеной опочивальня главного церемониймейстера, и он спит чутко и жалуется на всё.

Аврора тянулась следом. Для неё ночь дворца выглядела иначе: сквозь камень проступали слабые голубые линии - следы старых ходов, следы того, что когда-то было живым. Где-то в глубине стен гудело то самое междумирье, из которого её вышибли, и она чувствовала его, как чувствуют глухой звон в ушах.

- Здесь, - сказала Милисента, останавливаясь у стены, где висел старый гобелен с изображением охоты на оленей. - За гобеленом люк.

- За гобеленом? - Эдгар приподнял бровь. - Никто не додумается искать тайный ход там, где он декорирован гобеленом. Это гениально.

- Это не декорировано. Его просто ленились переставлять лет двадцать.

Люк открылся с тихим скрипом. Вниз уходила каменная лестница, оттуда тянуло холодом, плесенью и почему-то яблоками - старыми, приторно-сладкими, как будто кто-то когда-то очень давно пронёс здесь корзину и рассыпал свой груз.

И именно в этот момент за их спинами скрипнула половица.

- Стойте! - рявкнул голос. - Стойте, кем бы вы ни были!

Милисента обернулась - и сердце её ушло в пятки. В конце галереи стоял дозорный с алебардой, молодой, круглолицый, напуганный до белизны. За его спиной, в дальнем конце коридора, поднимались ещё двое с факелами.

- Это грабители! - заорал дозорный, потому что страх всегда орёт громче мысли. - Убийцы! У них фонарь, у них оружие!

- Оружие? - Эдгар машинально потрогал пояс, где не было ничего, кроме пояса.

- Мы не грабители, - начала Милисента.

- Именно так и начинают грабители, - сказал кот философским тоном. - Второй по популярности фразой после «Это не то, что вы думаете».

И дозорный с воплем бросился на них.

Погоня началась внезапно и безобразно - как все настоящие погони.

Милисента сорвалась с места, затянув люк за собой, но сверху застучали кулаки и затопали сапоги: дозорные спешили через галерею, а у них был ключ от люка, ключ, который был только у стражи. Значит, минута - и они будут здесь.

- Быстрее! - шёпотом крикнула Милисента, неслась вниз по лестнице, и голос её звучал странно - от страха и от бега. - Быстрее, у них ключ!

Эдгар гнался за ней, и его лицо было собранным, как перед боем, но по мере того как они спускались, по мере того как коридор сужался и гасли факелы, на его лице проступало что-то иное - не ужас даже, а мрачное, отчётливое осознание неуместности происходящего.

- Знайте, принцесса, - выпалил он, перепрыгивая через перила, - что если я сегодня погибну, то история запишет мою смерть образцово: «Наследный принц пал жертвой вероломных убийц в королевских подземельях». А на деле меня догонит и забьёт алебардой собственный конюх, потому что кто-то перепутал меня с грабителем. Самая нелепая смерть из всех возможных. Мне даже стыдно наперёд.

- Тогда не погибайте! - Милисента пнула отлетевшую крышку колодца и нырнула в боковой лаз, о который Эдгар заметил бы в спешке только сильнее.

- Отличный совет! - крикнул он сзади. - Почему никто не додумался раньше!

Сверху падал свет факелов, и голоса стражи резонировали в камне, растекаясь, будто вода:

- Они внизу! Грабители внизу! Замыкайте переходы!

- Замыкайте! - прошипел кот, босиком перебегая по верхней решётке - как только кошки и умеют. - Отличный план: они замкнут переходы, а мы будем в них сидеть. Кто-нибудь объясните этим людям, что туннели не коридоры, а лабиринт, и замкнуть их - это отрезать путь самим себе.

Милисента знала это - и вела.

Она знала, что после третьего поворота надо прижаться в нишу, потому что там сквозняк открывает дверь раньше, чем рука. Знала, что ступенька седьмая внизу шатается и стучит, поэтому надо прыгать через неё. Знала, что у развилки с высохшим колодцем надо свернуть влево, хотя интуитивно кажется, что вправо, - потому что вправо выходил к конюшням, а там уже стояла стража.

- Сюда, - она толкнула Эдгара в узкий лаз, и они поползли - буквально поползли, на четвереньках, по сырому камню, где пахло землёй и старой кровью, и где над головой нависал потолок так низко, что его можно было лбом. Сзади гремели сапоги, горело пламя, кто-то крикнул: «Тут, тут! Я слышу дыхание!»

- Это ваше дыхание, - пробормотал Эдгар.

- Моё? - Милисента оглянулась, и её глаза блеснули в темноте испуганным весельем. - Тогда оно громкое. Простите.

- Если вы меня вытащите отсюда живым, я разрешу вам дышать сколько хотите.

Лаз кончился глухим тупиком - стеной, о которую Милисента уже готова была удариться лбом от отчаяния. Но она знала: эта стена - не стена. Она толкнула камень в нижнем левом углу - тот поддался, глухо стукнул, и в стене открылся лаз, узкий, как дверная щель, выложенный кирпичом.

- Ничего себе, - выдохнул Эдгар, глядя на щель. - Я всю жизнь думал, что тайные ходы - это красивые арки с факелами и паутиной.

- Это декоративные тайные ходы. А тут - рабочие.

Они протиснулись в щель, и Милисента затолкала за собой камень, и в тот же миг в тупик за их спинами ворвались стражники - с факелами, с алебардами, с криками. Но было уже поздно: коридор был пуст, а в стене не было двери.

-:Куда они делись?! - кричали за стеной. - Тут же тупик! Куда они делись?! Это атака призраков! Вторжение демонов!

- Через ту же стену, что и мы, - сказала Милисента, прижимаясь к кирпичу, и сердце колотилось у неё в ушах.

- Скажу вам, - сказал Эдгар тихо, всё ещё тяжело дыша после бега, - я чуть не пожалел, что они не видят меня в этом плаще. Был бы виден - они бы по крайней мере знали, кого ловить, а не бегали по подземельям, как мыши в щелях.

- Вы всегда шутите, когда страшно?

- Всегда. Особенно когда страшно. Это профессиональное. - Он посмотрел на неё. - А вы, оказывается, умеете вести. Не плохо для «ребёнка», принцесса. Замечу, что взрослые в вашем дворце повели себя гораздо более легкомысленно: они бы погнались за нами и застряли в тупике.

Милисента посмотрела на него и впервые за вечер улыбнулась по-настоящему - без вежливости, без натуги, просто по-человечески. И Аврора, стоявшая рядом невидимкой, почувствовала, как от этой улыбки что-то неприятно кольнуло у неё внутри - не так, как раньше, лёгким уколом, а сильнее, почти злостью. «Хватит, - снова одёрнула она себя. - Ей шестнадцать. А тебе двадцать один. И вообще у тебя сейчас другие проблемы».

Но проблема была не в этом. Проблема была в том, что Аврора вдруг поняла: ей было приятно смотреть на Эдгара. И что при мысли о том, как он улыбается Милисенте, внутри неё поднимается что-то горячее и неприличное - ревность. Ревность к собственной сестре. К шестнадцатилетней девочке в мужском костюме. «Кому я завидую? Себе же самой? Да, по-видимому, завидую». Она отвернулась от них и посмотрела на каменную стену, по которой у неё под ладонью пробегали слабые голубые нити междумирья.

Лавка старика Эдана притулилась к городской стене в десяти шагах от главных ворот - кривой, несимметричный домик, оклеенный объявлениями о продажах, о потерях, о розыске. Витрина была забита книгами, лежащими штабелями, как жертвы наводнения. Над дверью качалась старая деревянная вывеска - сова, которая держала в клюве свиток и смотрела на прохожих так, будто оценивала их интеллект.Эдгар постучал трижды. Милисента - ещё дважды, тише.

- Отчего вы так постучали? - шёпотом спросил Эдгар.

- Это стук для знакомых.

- Значит, Эдан знает вас.

- Он знает всех, кто приходит по делу. Просто чужих он сначала ругает.

Дверь открылась не сразу - сначала за ней послышался шарканье, потом возня, потом старческий, недовольный голос:

- Ночь. Ночь есть ночь. Кого принесло в такую ночь?

Дверь распахнулась, и на пороге стоял старик - сухой, прямой, с густыми седыми бровями и глазами, которые смотрели так, будто видели не лица, а всё, что за лицами. На нём был ночной колпак, наброшенный поверх ночной рубашки, и в руке - тяжёлая свеча, наклонённая к их лицам, чтобы осветить как следует.

- Милисента, - сказал он спокойно и с той степенью неодобрения, с какой старый человек говорит имя знакомого ребёнка, который пришёл не в тот час. - А второй - кто?

- Гость, - сказала Милисента.

- Гость? - Эдгар снял плащ и поклонился - коротко, по-настоящему, без пышности.

- Принц Эдгар. Приехал на свадьбу вашей принцессы. И, кажется, слишком увлёкся её семейными тайнами.

Старик Эдан оглядел его с ног до головы. Потом посмотрел на Милисенту. Потом обратно на Эдгара.

- Заходите, - сказал он наконец, отступая в глубину лавки. - И закройте дверь. У меня от сквозняков не книги болеют, а я.

Внутри пахло так, как пахнет только старая книжная лавка: пергамент, клей, сушёные травы, застарелый табак, пыль, которая не пыль, а время, осевшее на полках. Лампы горели тускло, тени были плотными, а книги стояли так тесно, что, казалось, дышать можно было только между ними.Эдан зажёг вторую лампу, потом третью, потом посмотрел на Милисенту и сказал:

- Ну?

И Милисента рассказала.Она рассказывала сбивчиво, путаясь в словах, начиная не с того конца, перескакивая, останавливаясь, потому что нельзя было сказать главного: нельзя было назвать имя. «Подруга. Одна моя знакомая. Очень близкая знакомая». Она рассказала про шкатулку, про душу, которая вышла из тела, про то, что тело живо, но не отвечает, про то, что лекари не знают, что делать. Про то, что в тайной секции дворцовой библиотеки есть тёмно-синяя книга, где описаны ритуалы создания шкатулок, но нет ритуала возвращения. Про то, что там есть отсылка к «кладези священных знаний у дворцовых ворот».

- И она думает, что речь о вас, - закончила Милисента.

Эдан слушал, не перебивая, и только в конце, когда Милисента осеклась, медленно кивнул.

- «Кладезь священных знаний у дворцовых ворот», - повторил он, усмехнувшись куда-то внутрь себя. - Ваша королева умела красиво говорить. Тридцать лет назад она тоже приходила сюда - не за шкатулками, но по тому же поводу.

Аврора замерла.

- Мама приходила сюда?- Мама? - Милисента не услышала, но Эдгар услышал интонацию - и посмотрел на Милисенту внимательно, будто заметил, что она вдруг побледнела.

- «Кладезь», - Эдан не обратил внимания на тон Милисенты. - Да, я - «кладезь». У меня есть книга, о которой не говорите никому, а особенно не говорите ей, что она есть. Я поищу. А вы пока посидите. И, - он повернулся к Эдгару, - вы принц? По-настоящему?

- По-настоящему, - Эдгар слегка улыбнулся. - И я прошу прощения, что стою в вашей лавке ночью, как вор.

- Принцы, - сказал Эдан устало, - как правило, хуже воров. Воры хотя бы знают, что делают. Но вы, судя по глазам, - не худший из принцев. Пока.

Он скрылся за полками, и послышался скрип половиц, шорох бумаги, звон стеклянных склянок.

Милисента села на низенький табурет между стопками книг. Руки её дрожали - теперь, когда всё было позади, дрожь догнала её. Эдгар заметил это и молча протянул ей кружку - на столе стояли кувшин и две кружки, как будто Эдан ждал гостей.

- Вода, - сказал он. - Пейте. Страх сушит.

- Откуда вы знаете, что страх сушит?

- Из личного опыта, - сказал Эдгар. - И из книги моего учителя этикета, который писал: «Дрожащих рук не видно за кубком». Он умер от страха, кстати. Не выпил - так и остался дрожать.

Милисента рассмеялась - тихо, сквозь слёзы, которые подошли к горлу неожиданно. Эдгар не стал делать вид, что не заметил слёз, но и не стал говорить о них. Он просто сел рядом и замолчал, и это молчание было тёплым.

И именно в этот момент Аврора поняла ещё одну неприятную вещь: ей нравилось смотреть на то, как он сидит рядом с сестрой. Нравилось - и одновременно ломало изнутри. «Это моё, - подумала она с горячей, стыдной, невозможной злостью. - Это моё место рядом с ним. Это я должна сидеть на этом табурете. Это я должна была бы рассказывать про шкатулку и про ритуалы. Это моя мать приходила к нему тридцать лет назад». И тут же испугалась собственной мысли - оттого, что она прозвучала как чужая: маленькая, мелкая, недостойная той, кто сейчас лежит без сознания в опочивальне.

«Прекрати, - приказала она себе. - Прекрати сейчас же. Мили для тебя важнее всего на свете, а этот принц тебе не принадлежит и не должен принадлежать. У тебя есть день. У тебя есть один день и одна книга. Соберись».

Но сердце - и живое, и то, что осталось от него в междумирье, - продолжало глухо и обидно ныть.

Эдан вернулся не один - а с книгой. Тяжёлой, старой, в кожаном переплёте, потёртом до белизны. Он положил её на стол и раскрыл на середине.

- Здесь, - сказал он, - описан ритуал возвращения души. Не для всех. Только для тех, кто «принадлежит двум мирам». Ваша подруга, судя по всему, такая. Иначе бы шкатулка её просто убила.

- И что за ритуал? - спросил Эдгар.

- Прочтёте сами, - Эдан не двинул книгу. - Сначала я скажу главное. Ритуал возможен. Но он потребует не слов и не трав. Он потребует от неё того, что она не захочет отдавать.

- Что именно? - прошептала Милисента.

- Прочтёте, - повторил Эдан. - Но прежде...

Дверь лавки открылась.Не закричала петлями, не скрипнула - просто открылась, тихо и буднично, будто у неё было на это право. И в лавку вошёл человек - высокий, в тёмном дорожном плаще, с посохом из чернёного дерева. Он вошёл так, будто заходил сюда сто раз, и постучал посохом о порог - дважды, как стучат о порог знакомого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.